

В. К. Косс

Не называй меня своей музой

В.К. Косс

Не называй меня своей музой

«Автор»

2026

Косс В.

Не называй меня своей музой / В. Косс — «Автор», 2026

Антон Руднев испортил мою строку и предложил спеть ее снова. Я предложила вернуть прежний текст. Так началась наша работа: три песни, договор и споры о каждом обещании в припеве. Я знала его голос по радио. Вскоре узнала, как он смеется за поздним ужином, как слушает мои возражения и как целует, когда нам больше не нужно говорить о музыке. С ним я решилась рассказать о том, как уходила от мужчины, который считал мою работу пустяком. Попросила только об одном: это останется между нами. А потом увидела свою историю в рекламном ролике нового альбома. Для зрителей я стала женщиной, которая вернула известному певцу вдохновение. Его музой. Я собирала собственную программу, искала музыкантов, считала деньги на аренду зала. А на рабочих встречах меня теперь спрашивали прежде всего о нем. Я люблю Антона. Но как доверять мужчине, который нарушил обещание ради красивой истории о нас?

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Строка, которую невозможно спеть	5
Глава 2. Три песни и чужие ожидания	10
Глава 3. Когда заканчивается репетиция	14
Глава 4. Не та женщина из песни	19
Глава 5. Ее имя на экране	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

В.К. Косс

Не называй меня своей музой

Глава 1. Строка, которую невозможно спеть

Вера

На слове «всегда» Антон Руднев остановился в четвертый раз.

— Еще раз со второго куплета, — сказал он.

Павел, сидевший за клавишами, убрал руки. Я посмотрела на распечатку, где поверх моей строки чужим почерком было написано: «Я научился ждать тебя всегда». Слово «всегда» заняло последние ноты, но не объяснило, почему человек решил ждать. Все остальное автор поправки, очевидно, счел несущественным.

— Петь еще раз не нужно, — сказала я.

Антон повернулся ко мне. До этого он смотрел преимущественно на Павла, на звукорежиссера за стеклом и на телефон, лежавший возле микрофона. Я сидела сбоку с сумкой на коленях и уже успела пожалеть, что согласилась приехать без обсужденных условий.

— Почему?

— Потому что четвертый раз получился точно так же, как третий.

Он снял один наушник.

— Вы предлагаете заменить певца?

— Пока достаточно строки.

Павел кашлянул. Я не поняла, скрывал он смех или действительно простыл, и продолжила, пока мое замечание не превратилось в повод поговорить о моем характере.

— В первой половине песни человек говорит, что ушел. Во второй он еще не решил, вернется ли. Если здесь он уже научился ждать, между куплетами прошла целая история. Мы ее не слышали.

— Мне нужна надежда.

— Надежду можно оставить. Обещание лучше убрать.

Антон взял распечатку. В обычной жизни он оказался крупнее, чем на экране: широкие плечи, тяжелые кисти, заметная седина возле висков. Черная футболка была выстирана столько раз, что ворот потерял форму. По телевизору я всегда замечала прежде всего его голос. Здесь мешали сосредоточиться руки: он придерживал ими лист, и я поймала себя на том, что смотрю на пальцы вместо поправки. Снова перевела взгляд на строку.

— Что там было у вас?

— «Я мог бы задержаться до утра».

Он произнес строку без музыки.

— Слабовато.

— Он пока больше ничего не может.

— А слушатель должен захотеть дослушать.

— Тогда пусть услышит человека, которому есть что решать.

Я сказала это резче, чем собиралась. В коридоре за дверью кто-то громко объяснял курьеру, куда поставить коробки. Через стекло звукорежиссер показал Антону два пальца. Тот кивнул. Я не знала, что означал этот жест, и ждала, пока он снова посмотрит на лист.

Антон опустил лист.

— Вера, правильно?

— Да.

— Хорошо. Давайте ваш вариант.

Павел сыграл вступление, Антон подождал, пока закончится последний такт, и запел. Я следила не за его лицом, а за текстом. На слове «задержаться» он слегка опоздал, зато закончил фразу без усилия. В ней появилась пауза, которой прежде не было: мужчина словно оставлял собеседнице время ответить.

— Еще, — попросила я. — Только не вытягивайте «мог».

— Я знаю, как петь.

— Знаете. Поэтому и прошу.

Павел снова начал. Антон спел куплет целиком, не остановившись, потом снял наушники и положил их на стойку.

— Этот вариант оставляем.

Я разжала пальцы на ручке сумки. От напряжения на коже остались красные полосы. Следовало поставить сумку на пол еще полчаса назад, но тогда я почему-то решила, что ненадолго.

— И в припеве вернем «позвони», — добавила я. — Вместо «позови».

— Это тоже принципиально?

— Он находится в другом городе. Пока вы поете «позови», кажется, что он стоит за дверью.

— Может, она умеет громко кричать, — сказал Павел.

На этот раз я улыбнулась. Антон посмотрел на него, потом на меня.

— Ладно. Позвони.

Он ушел за стекло прослушивать запись. Я наконец поставила сумку возле стула и открыла блокнот. На чистой странице написала дату: второе сентября. Ниже — «До света», название песни, ради которой знакомая редакторка рекомендовала меня Нине Сомовой.

Я получила мелодию пять дней назад, написала текст, отправила его и дважды исправила. Приглашение в студию звучало просто: познакомимся, посмотрим, как ложится на голос. О гонораре никто пока не говорил. Мне не нравилось, что я сама допустила эту неопределенность.

До знакомства с Антоном я написала тексты для двенадцати выпущенных песен. Еще семь остались в папках заказчиков, и я старалась не угадывать, будут ли они когда-нибудь записаны. Две мои работы Марина Белова исполняла на концертах, одна даже попала в небольшую радиопрограмму. Этого хватало, чтобы называть себя автором текстов, но не хватало, чтобы перестать вздрагивать, когда хозяйка квартиры присылала сообщение: «Не забудьте про четвертое число».

В телефоне уже было такое сообщение. Я ответила, что помню, и убрала телефон, когда дверь открылась.

Нина вошла с бумажным стаканчиком и папкой под мышкой. Ей было около сорока пяти; точный возраст я не знала. Она успела поздороваться с каждым и заметить пустую бутылку воды возле Антона.

— Воду принести? — спросила она.

— Уже принесли, — ответил он. — Нам нужен перерыв на двадцать минут.

— У нас через сорок звонок с площадкой.

— Успеем.

Я закрыла блокнот. Перерывы известного певца, время студии и звонки с площадкой не относились к моим обязанностям. Мне нужно было понять, принимают ли текст и сколько готовы за него заплатить.

— Вера хорошо поправила куплет, — сказал Антон.

Нина посмотрела на распечатку.

— Отлично. Тогда по остальным тоже сдвинемся.

— По каким остальным? — спросила я.

— У нас еще две мелодии. Антон пришлет вам наброски.

Я положила ручку поперек блокнота.

— Давайте сначала обсудим этот текст.

В помещении стало тише. На соседнем стуле Павел разбирал провод и делал вид, что не слушает.

— Есть замечания? — спросила Нина.

— Есть вопрос об оплате.

— Конечно. Мы как раз собирались оформить работу.

Это было удобное «как раз»: оно могло объяснить любую задержку. Ручка Нины уже переместилась к следующему пункту. Я могла кивнуть и получить еще две мелодии, так и не узнав цену первой. Несколько лет назад я бы именно так и поступила.

— За один текст с двумя согласованными доработками — сорок тысяч, — сказала я. — Если нужны еще два, обсуждаем сроки отдельно. Работа с мелодией на репетиции тоже требует времени.

Нина не удивилась сумме. Быстро записала ее на поле своего листа.

— Сорок за каждый?

— Да.

— Мы обычно берем пакет.

— Можно три текста. Но принимать и оплачивать их нужно по отдельности. Я не смогу ждать, пока будет готов весь альбом.

Антон прислонился к столу. Он мог вмешаться, но молчал. Я была ему за это признательна: мне не хотелось, чтобы мой гонорар становился личной щедростью человека, с которым я познакомилась час назад.

— Первый уже почти готов, — заметила Нина.

— Поэтому его можно оплатить раньше остальных.

— Нам понадобится счет и ваши данные.

— Пришлю сегодня. И хочу заранее согласовать, как будет указано авторство.

Она подняла глаза.

— Разумеется, автор текста будет указан.

— Вера Ланская. Без сокращения до инициалов.

— Это и есть ваше настоящее имя?

— Да.

Антон взял лист, перечитал строку и спросил:

— Музыкальное образование есть?

— Нет. Я училась на филолога. А вы спрашиваете из-за ударений?

— Из-за того, что слышите, где неудобно.

— Я сама пыталась петь свои тексты. Это отрезвляет.

Он усмехнулся.

— Записи остались?

— Они никому не помогут.

Павел поднял голову.

— Бывает полезно. Автор иногда ставит такие согласные подряд, что певцу остается только получить новую челюсть.

— Вот поэтому я и пробую, — ответила я.

Нина сказала, что пришлет условия к вечеру. Я уточнила, что начну следующие тексты после согласования. Она кивнула, уже переключаясь на телефон.

Разговор закончился без конфликта. Почему же мне понадобилось столько сил, чтобы его начать?

Антон, собираясь снова к микрофону, остановился возле моего стула.

— Вы всегда так разговариваете?

— О деньгах?

— О том, что вам нужно.

Я посмотрела на него снизу вверх. Он стоял слишком близко для делового разговора, но, кажется, просто не замечал этого.

— Стараюсь, — сказала я. — Не всегда получается.

— Сегодня получилось.

Я посмотрела на лежавший рядом блокнот. Сумма была записана, имя тоже. Можно было наконец вернуться к песне, а не подбирать слова для разговора о деньгах.

После перерыва они записали еще два варианта куплета. Я села рядом со звукорежиссером, которого звали Денис, и отметила место, где из-за растянутой гласной исчезала последняя согласная. Антон прослушал фрагмент и сам предложил другой вход в строку.

Когда он попросил Павла переставить акцент, тот не сразу понял. Они несколько минут спорили, играли по очереди, и я увидела то, ради чего люди соглашались работать с непростыми исполнителями: человек, привыкший стоять в центре, вдруг становился внимательным к маленькой чужой находке.

— Так лучше, — сказал Антон. — Оставь. Я подстроюсь.

Павел кивнул и сделал пометку.

Мне хватило бы этих трех слов, чтобы простить пару раздраженных реплик. Но прощать было пока нечего. Я здесь работала.

Из студии я вышла в половине пятого. На улице было жарко для сентября; я сняла жакет и перекинула через локоть. Вместо того чтобы сразу спуститься в метро, отошла к пустой скамейке и позвонила маме.

— Ты занята? — спросила она.

— Уже нет.

— Хотела сказать, у Тамары в компании ищут редактора. Пять дней, все официально. Сидеть можно дома два раза в неделю.

— Мам, я не ищу сейчас такую работу.

— Ты хотя бы спроси, сколько платят.

Я знала, что она беспокоится. Когда я сказала, что перестала работать в издательстве и буду заниматься песнями, она спросила: «А потом?» С тех пор этот вопрос всплывал в каждом нашем разговоре, даже если не звучал вслух.

— Сегодня договорилась о трех текстах, — сказала я.

— С кем?

Я назвала Антона. Мама помолчала.

— Это тот, который пел на выпускном у сестры Тамары?

— Возможно. Я не знаю, где он выступал.

— Известный, значит.

— Да.

— Только пусть платят сразу. Известные тоже бывают разные.

Тут мы с ней были совершенно согласны.

Я купила по дороге хлеб, яйца и яблоки. Дома поставила чайник, достала из сумки блокнот и увидела на ладони засохшую черную точку: ручка опять протекла. Маленькая неприятность, зато понятная. Я отмыла руку, поела и открыла письмо Нины.

В нем были условия на первый текст и предложение по двум следующим. Никаких особенных сюрпризов: сроки, сумма, порядок доработок. Я внимательно прочитала весь документ, оставила вопросы там, где формулировка касалась последующих изменений текста, и попросила внести согласованное написание имени. Слишком многое я раньше обсуждала устно, считая, что неудобно задерживать людей.

В девять пришло голосовое сообщение с незнакомого номера. Антон представился, хотя я бы узнала его голос и без этого.

«Вера, это две мелодии. Нина дала номер. Если вам удобнее через почту, скажите. Первый набросок сырой. Во втором есть только припев. Пока ничего не пишите, просто послушайте».

Я включила первый файл. Он пел без слов, иногда останавливался, тихо ругался и возвращался к началу. Я прослушала запись дважды. В конце он кашлянул, отодвинулся от телефона, и звук стал тише.

Второй набросок был спокойнее. Простая последовательность, короткая мелодическая фраза, слишком быстрый переход к припеву. На нее хотелось написать что-нибудь о дороге, но я сразу отвергла первую мысль. Дорог в песнях хватало. Гораздо интереснее было, что происходит, когда человек уже приехал, а войти не решается.

Я взяла блокнот и написала: «Почти дома». Потом зачеркнула название. Названия, выбранные прежде истории, иногда заставляли работать на них весь текст.

Антону ответила коротко: «Получила. Послушаю внимательно завтра. До согласования следующего заказа текст не начинаю».

Он прислал: «Хорошо. И спасибо за сегодня».

Я положила телефон экраном вниз. Мне хотелось перечитать сообщение, чтобы проверить, не было ли там чего-нибудь еще. Это желание не имело отношения к двум музыкальным файлам, и я не собиралась его поощрять.

Через минуту телефон снова подал сигнал.

«Имя в документе поправим. Нина уже написала».

Я открыла письмо и увидела новую версию. На этот раз в нужной строке стояло полностью: Вера Ланская.

Мне предстояло написать две песни и довести до записи первую. Задача была сложной, с ясными сроками, с человеком, который мог раздражаться, но умел слышать. Я убрала продукты в холодильник, выключила свет на кухне и вернулась к столу.

Уже собиралась закрыть блокнот, когда решила сохранить название «Почти дома» на отдельной странице. Пусть полежит. Утром я могла передумать.

Глава 2. Три песни и чужие ожидания

Вера

На следующий день я потратила три часа на четыре строки и удалила их, прежде чем успела отправить.

В наброске Антона припев начинался высоко, почти с требования. Потом мелодия опускалась, и последняя фраза получалась тихой. Если написать обычное «вернись», на этих нотах мужчина сперва приказывал бы, а после жаловался. Я никак не могла понять, нужен ли ему именно такой человек.

Нина прислала пожелания: песня должна подходить для большого зала, легко запоминаться и давать слушателю ощущение, что все еще можно исправить. Антон написал отдельно: «Не хочу опять петь о возвращении. Скорее о том, как перестать ждать». В одном сообщении мне предлагали дать героям шанс, в другом — научить одного жить без второго.

Я скопировала оба сообщения в рабочий файл и перечитала подряд. Затем ответила в общий разговор, который Нина создала после согласования заказа: «Для второго текста нужны единые пожелания. Сейчас они противоречат друг другу. Предлагаю короткий созвон».

Нина сразу поставила время на завтра. Антон до вечера ничего не ответил. Я занялась редактурой каталога для небольшой мебельной мастерской. Хозяин хотел назвать стеллаж «надежным спутником творческих поисков». Я заменила это на размеры полок и допустимую нагрузку. Читатель, покупавший стеллаж, имел право знать, поместятся ли туда книги.

За каталог мне должны были шесть тысяч. Я приняла эту работу неделю назад, когда еще не знала о новом заказе, и теперь обязана была закончить ее вовремя. Обычно я любила чередовать задачи. На этот раз меня раздражало каждое описание столешницы: музыкальная фраза оставалась в голове, а слов для нее не было.

Марина позвонила ближе к шести.

— Я сегодня спела «Два ключа», — сказала она вместо приветствия. — Мужчина в первом ряду плакал.

— Может, ему мешали видеть сцену.

— Очень смешно. Ты чем занята?

— Стеллажами.

— Опять?

— Это последний.

Марина засмеялась. С ней можно было говорить о работе без предварительного объяснения, почему это работа. Мы познакомились три года назад, когда она искала текст для мелодии своего друга. Я написала слишком длинный припев, она не поленилась спеть его мне по телефону, и мы обе услышали, что последнее слово невозможно закончить без дополнительного вдоха.

С тех пор она иногда присылала записи выступлений. Не каждое исполнение мне нравилось; не каждое мое замечание нравилось ей. Мы все равно возвращались к новым песням.

— Вера, помнишь наш вечер? — спросила она.

— Помню. Но тогда у тебя не было времени.

— Теперь время появилось. Денег пока столько же.

— То есть немного.

— Зато честно. Поговорим на следующей неделе? Можно без обязательств. У меня есть одна мелодия.

Я посмотрела на календарь. Впереди две песни для Антона, доработка первой, завершение каталога. Если не брать больше ничего, неделя оставалась плотной, но выполнимой.

— В среду после двух.

— Приеду к тебе?

— Давай лучше в кафе. Я дома везде разложила бумаги.

— Ты всегда так говоришь. Я уже начинаю подозревать, что у тебя там тайный муж.

— Ему пришлось бы жить между каталогом и текстами. Очень тяжелое положение.

После разговора я дописала описания, отправила каталог и снова включила мелодию. На сей раз услышала за нерешительным припевом другое: человек не просил ответа, потому что уже получил его. Просто еще не мог перестать проверять телефон.

Я записала это обычной фразой, без рифмы. Утром фраза все еще казалась мне пригодной.

Созвон начался с опоздания. Нина извинилась, Антон подключился через несколько минут из машины: он сидел на заднем сиденье. За его плечом мелькали здания. Он снял очки, протер переносицу и попросил повторить, о чем мы уже договорились.

— Пока ни о чем, — сказала я. — Мы ждали вас.

— Меня можно не ждать. Нина знает.

— В этот раз я хочу услышать обоих.

Нина улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Мы сейчас потеряем полчаса на формулировки. Нужен сильный припев с надеждой. Это все.

— А Антон не хочет возвращения, — напредила я.

— Надежда бывает разной.

— Конечно. Но я должна понимать, на что надеется человек в этой песне.

Антон посмотрел в сторону водителя и попросил убавить звук. Потом повернул телефон удобнее.

— Он хочет, чтобы ему перестали отвечать из жалости.

Я записала эту фразу.

— То есть он уже знает, что отношения закончились?

— Знает. Ему даже сказали нормальными словами. Ничего загадочного. Но когда она отвечает, ему кажется, что все еще возможно.

— Тогда ему нужно не добиться звонка, а перестать звонить самому.

— Да.

Нина отложила ручку.

— Мы продаем людям тоску по выключенному телефону?

— Мы пока пишем песню, — сказал Антон. — Давайте ее сначала напишем.

В его голосе появилось раздражение. Я не стала использовать его как поддержку.

— Можно оставить надежду на собственную жизнь, — предложила я. — Не обязательно обещать новую любовь в финале. Он может впервые провести вечер, не ожидая ее сообщения.

— Слишком мало события, — ответила Нина.

— Для человека, который проверяет телефон каждые две минуты, это событие.

Антон коротко кивнул.

— Такой текст я хочу.

Нина помолчала. За время паузы я успела представить, как она переносит заказ к другому автору, с которым было бы проще. Но она только спросила:

— Когда первый вариант?

— В понедельник. Если мы сейчас сохраняем этот замысел.

— Сохраняем, — сказал Антон. — И больше возвращение туда не вставляем.

Я уточнила длину второго куплета, место инструментального проигрыша, возможность изменить последние две ноты припева. После первых вопросов Нина перестала поглядывать на часы. Когда мы закончили, она сказала, что придет подтверждение в общий разговор.

Антон спросил, нужна ли мне запись мелодии медленнее. Нужна была. Через двадцать минут он прислал ее, записанную уже в другом помещении, без дорожного шума.

Я начала писать. Вечером удаляла готовые двустихия, которые хорошо звучали и совершенно не подходили человеку, о котором мы договорились. Это было неприятное, необходимое занятие. Красивые строки иногда мешали работе больше неудачных: их жалко было вычеркивать.

К воскресенью у меня получился текст «Без ответа». Я не объясняла в нем, почему женщина ушла. Песня начиналась после расставания; важнее было, как он проживет следующий вечер. Мужчина отменял отправку сообщения, шел в магазин, забывал купить хлеб, возвращался. Одно вполне обыкновенное действие сменяло другое, а адресат, на которого раньше были направлены все его слова, постепенно переставал присутствовать в каждой строке.

В конце он оставлял телефон на столе и выходил из квартиры. Я написала «на час», потому что «навсегда» было бы неправдой. Антон мог спеть решительность, но у самого текста на нее пока не было оснований.

В понедельник утром я отправила файл. Потом ушла на прогулку, хотя обычно после отправки сидела рядом с компьютером, готовая отвечать еще до того, как меня спросят.

Вернувшись, увидела сообщение Нины: «Второй куплет нужно облегчить». Ниже — от Антона: «Второй куплет пока не трогайте».

Я посмотрела на эти две строки и засмеялась. Утренняя прогулка помогла: раздражение пришло не сразу.

«Давайте прослушаем с музыкой», — написала я.

На следующий день в студии оказался только Павел. Он поставил передо мной распечатку и предупредил, что Антон задерживается. Я впервые смогла рассмотреть помещение спокойно. Небольшая комната, широкий стол, два рабочих кресла, полка с запасными кабелями. В углу стояла коробка, куда кто-то свалил сломанные подставки. Ни торжественности, ни роскоши. Люди приходили сюда делать записи и оставляли после себя стаканчики.

Павел сыграл песню сам, тихо напевая текст. Он не пытался копировать Антона. На его голосе куплет показался проще: места, которые на бумаге Нина назвала тяжелыми, были короткими и ясными.

— Тут не слова мешают, — сказал он. — Припев слишком рано начинается.

Я открыла на телефоне исходную запись мелодии и нашла начало припева.

— Можно дать ему два такта?

— Можно четыре. Если Антон согласится.

Мы попробовали оба варианта и записали на телефон. Мне понравились два. Четыре делали паузу слишком выразительной: словно человек уже понял нечто окончательное. В нашей песне он только учился не звонить.

Антон пришел в мокрой куртке: на улице начался дождь, которого утром не обещали. Извинился, повесил куртку и сразу попросил включить наши варианты.

— Два, — сказал он, дослушав второй. — Четыре — концертная пауза. Здесь она лишняя.

Я подняла голову от блокнота. Мы выбрали одно и то же по одной причине. Такое совпадение было приятнее комплимента.

Он встал у микрофона. Куплет получился со второго раза. В припеве он по привычке нарастил громкость, затем сам остановился.

— Нет. Он не доказывает.

— Да, — сказала я.

Антон посмотрел через стекло.

— Я еще способен понять собственную песню.

— Я с вами согласилась.

— У вас согласие звучит как поправка.

Павел потянулся к своему стакану. Я тоже хотела что-нибудь сказать, но передумала. Антон устал, я была напряжена, и превращать рабочую реплику в выяснение отношений не имело смысла.

Следующий дубль оказался лучше. На последней строке Антон не стал тянуть ноту до конца и закончил чуть раньше, чем требовала мелодия. Денис спросил, повторяем ли окончание.

— Оставим пока так, — ответил Антон. — Послушаем в целом.

Когда запись закончилась, он долго смотрел на экран. Затем спросил, нет ли у нас с Павлом еще пяти минут, и вышел в коридор.

Я подошла к окну. Дождь уже ослаб, на стекле оставались отдельные капли. Меня интересовало, почему человек, способный услышать так много в песне, мог не заметить, как звучит его реплика живому человеку. Впрочем, меня саму приходилось иногда просить сказать проще. Внимание к строкам не делало меня автоматически внимательной ко всему.

Антон вернулся с тремя бутылками воды. Одну уже открыл для себя, две другие протянул нам с Павлом.

— Я сегодня неприятный, — сказал он. — Это не ваша проблема.

— Хорошо, что вы уточнили.

Он усмехнулся, а я отвинтила крышку. На этот раз я услышала в его смехе усталость, которую прежде принимала только за раздражение.

— Простый альбом я переделывал до последней недели. А потом оказалось, что все слышат, как я старался им понравиться.

Я не знала, зачем он мне это говорит. Признание было слишком личным для рабочего замечания и слишком кратким для просьбы утешить.

— Мы сейчас не переделываем до последней недели, — сказала я. — У нас есть время попробовать и выбросить.

— У вас есть?

— До согласованной даты — да.

Он посмотрел на меня внимательно, будто эта простая граница давала больше уверенности, чем обещание безусловной поддержки.

Нина приехала под конец. Мы прослушали запись втроем. Она записала замечания по вступлению, но второй куплет не попросила изменить.

— Хорошо. Не такая мрачная, как читалось.

Я не стала напоминать, почему хотела сначала услышать ее с музыкой. Антон тоже промолчал.

Когда я собиралась, он спросил:

— Завтра можете приехать к четырем? Возьмем третью мелодию.

— Могу до шести.

— Нам хватит.

Я записала время, убрала блокнот и вышла. По дороге домой в общий разговор пришло подтверждение приемки первого текста. Чуть позже я получила первую часть оплаты по следующему заказу, согласованную заранее. Чужое имя в моем телефоне наконец сопровождалось не только голосом и мелодиями, но и выполненными условиями.

Вечером я открыла страницу, где было написано «Почти дома». Название уже не казалось преждевременным. Чтобы попасть домой, иногда действительно нужно сначала понять, куда больше не следует возвращаться.

Я перечеркнула последнюю мысль. В песню она не годилась: объясняла слишком много. Ниже написала другое, простое начало: «Я привез тебе ключи».

Глава 3. Когда заканчивается репетиция

Антон

Вера посмотрела на часы в семнадцать пятьдесят две. Я видел это и решил, что успеем.

Денис собирал предыдущий дубль, Павел искал нужный звук, а я не мог повторить конец второго куплета без чужой интонации. Вчера он получился случайно. Сегодня стоило попытаться сделать так же — и становилось слышно, что я пытаюсь.

— Еще раз, — попросил я.

Вера подняла ручку.

— Я отмечу это место и поеду. Если будете записывать, пришлите потом.

— Нам десять минут.

— У меня десяти минут нет. Я говорила, что до шести.

— Помню. Один дубль.

Она ничего не ответила. Закрыла блокнот, застегнула сумку и убрала бутылку в боковой карман. Я подумал, что она демонстративно собирается. Потом увидел, как она проверила сообщение в телефоне, и понял: демонстрация тут ни при чем. У человека был свой вечер.

— Вера, мы сейчас потеряем то, что нашли.

— Вы можете записать без меня. Текст перед вами.

— Я не об этом.

— Я тоже. До пятницы.

Она попрощалась с Павлом и Денисом и вышла. Дверь закрылась обычным щелчком. Я остался у микрофона, ожидая, что кто-нибудь скажет что-нибудь удобное: авторы бывают нервными, завтра поговорим, она ведь могла задержаться.

Павел вместо этого спросил, с какого такта играть.

— С начала куплета.

Мы записали три раза. Все три были хуже вчерашнего. На четвертый Денис предложил сделать паузу. Я снял наушники слишком резко и зацепил провод локтем.

— Давай завтра, — сказал Павел.

— Студия оплачена.

— Еще пять дублей плохого настроения ничего не вернут.

Я отложил наушники. Вообще-то плохое настроение началось до прихода Веры. Утром я посмотрел запись одного из летних выступлений и услышал, как поторопился в припеве. Публика пела, я пытался ее перекрыть. Когда-то мне хватало удержать темп и дать людям закончить самим. Теперь казалось, что стоит на секунду отступить, и они забудут, зачем пришли.

Я никому этого не говорил. Нине рассказывал, что нужна более точная концертная программа. Павлу — что следует переделать переход. Себе — что запись плохая.

Вера спросила накануне, есть ли у нас время попробовать и выбросить. Я ответил не сразу. Время было. Разрешить себе выбросить оказалось сложнее.

— Она всегда так? — спросил я у Павла.

Он убрал листы в папку.

— Как?

— Уходит на середине.

— Она ушла в конце своего рабочего времени.

— Мы все иногда остаемся.

— Мы все получаем за месяц. Она за текст.

Мне не понравилось, что разницу объяснили так просто. За простотой было трудно спрятать собственное раздражение.

Я достал телефон. Хотел написать: «В следующий раз предупреждайте заранее». Она предупреждала. Потом набрал: «Сегодня было важно закончить». Ей тоже было важно что-то закончить, о чем я даже не спросил. Удалил обе фразы.

Павел сел на край стола.

— Ты злишься на куплет. Зачем тебе еще злиться на Веру?

— Она могла бы сказать, куда торопится.

— Могла. Только почему должна?

Я не ответил. Мы работали вместе одиннадцать лет. Иногда я жалел, что за это время он так и не научился принимать мое раздражение за веский довод.

В машине я позвонил Нине и попросил перенести пятничную встречу на час раньше, чтобы оставить запас до конца. Она сказала, что у нее другой созвон, и предложила начать без нее.

— Так и сделаем, — ответил я. — И больше не ставь Вере встречи без времени окончания.

— Это она попросила?

— Я прошу.

Нина помолчала.

— Хорошо. Только не обещай, что ты сам будешь соблюдать.

Я усмехнулся, но шутка была неприятно точной.

Дома я прослушал весь записанный материал. Вчерашний дубль по-прежнему был лучшим. У него оказался недостаток, на который днем я не обратил внимания: во втором куплете проглотил короткое «не». Смысл фразы стал противоположным. Вера поставила возле этого места маленькую черту. Я помнил, как она подняла ручку и попыталась сказать. Я попросил новый дубль раньше, чем она договорила.

Время показывало без четверти десять. Писать по работе было поздно. Я сохранил замечание на завтра, а потом все-таки отправил другое сообщение: «В пятницу начинаем в три, заканчиваем в пять. Сегодня я зря просил задержаться».

Она ответила минут через сорок: «Спасибо. В пятницу буду. И послушайте второе „не“ в куплете».

Я посмотрел на бумагу, потом на телефон и засмеялся. Даже ее спокойствие не означало, что она забыла о работе.

В пятницу приехал раньше всех. Поставил воду в маленький холодильник, убрал со стола коробку с чужими остатками обеда и проверил мелодию третьей песни. В ней оставалось место, где хотелось сделать красивый подъем. Я попробовал и услышал знакомую концертную привычку: заранее объяснить слушателю, что сейчас будет важное. Убрал подъем.

Вера вошла в три минуты четвертого, держа в руках два распечатанных варианта. На ней был серый свитер, волосы собраны низко на затылке. Свитер был ей чуть велик, и она завернула манжеты, прежде чем положить листы на стол. Без жакета Вера выглядела моложе, чем на первой встрече. Я засмотрелся на это простое движение и отвел глаза, когда она подняла голову. Почему-то не хотелось, чтобы заметила.

— Я принесла начало, — сказала она. — Пока без припева.

— Мы же не договорились, о чем песня.

— Поэтому два варианта. От одного можно сразу отказаться.

В первом человек возвращался к женщине, которой обещал приехать на выходных. Во втором он привозил ключи в квартиру, где больше не жил. Вера предложила начать со второго.

Я прочитал его один раз, потом второй.

— Здесь никто не просит вернуться.

— Да.

— У нас и предыдущая об этом.

— Предыдущая о том, как перестать звонить. Эта — о встрече после решения.

— И оба остаются несчастными?

Она подняла глаза.

— Они могут остаться взрослыми людьми. Дальше посмотрим.

Я хотел спросить, не устает ли она от такого взгляда на любовь. Вместо этого сыграл вступление. Текст оказался мягче, чем выглядел на бумаге. В нем мужчина замечал чужую книгу на своем бывшем столе и старался не спрашивать, чья она. Очень маленькое, очень понятное действие.

— Эту книгу оставим, — сказал я.

— Она вам мешает?

— Именно поэтому.

Вера сделала пометку и села рядом с инструментом, сохраняя между нами расстояние. Я видел ее профиль, нос с небольшим горбиком, сухую кожу на костяшках пальцев. В блокноте буквы теснились, но каждое вычеркивание было аккуратным: один штрих, не закрашивать, оставить возможность прочесть.

Мы работали около часа. Она просила повторить куски, иногда напевала, тихо и без попытки понравиться. Когда ее напевала Вера, моя мелодия звучала иначе. Не лучше и не хуже — просто я впервые услышал, что ее можно исполнить без привычного нажима.

— Тут я забираю у вас воздух, — сказал я, доиграв длинную фразу.

— Немного.

— Укоротим.

— Я могу убрать слово.

— Слово нужное. Сократим ноты.

Она попробовала еще раз, кивнула и поставила галочку на полях. Я смотрел, как она пишет, и ждал, когда поднимет голову: хотелось увидеть, улыбнется ли. Про сокращенные ноты мы уже не спорили.

В четыре пришел Павел. Вера поднялась, чтобы уступить ему место, но он сел с другой стороны.

— Втроем поместимся.

К пяти у нас был куплет, который можно было проверять с припевом. На часах оставалось девять минут, когда я сам предложил закончить. Вера посмотрела на меня, словно проверяя, правильно ли услышала.

— Отправлю вариант в понедельник, — сказала она.

— В понедельник подойдет.

Павел собрал вещи. Ему нужно было ехать к дочери, и он ушел почти сразу. Я проводил Веру в коридор и спросил, знает ли она, где запасной выход: главный проход временно заставили оборудованием.

Мы пошли через маленький внутренний двор. Я придержал тяжелую дверь, она прошла, затем остановилась, чтобы убрать папку в сумку. Из нее выпала тонкая тетрадь. Я поднял раньше, чем она успела наклониться.

— Спасибо.

На обложке была наклейка книжного магазина. Я видел такие у матери: она покупала их на распродажах, хотя давно не писала от руки.

— Вы все сначала на бумаге?

— Не все. Но начало чаще.

— Почему?

— В компьютере я слишком быстро исправляю. Иногда не успеваю понять, что хотела сказать.

Мы дошли до улицы. Вера застегнула свитер и посмотрела на остановку.

— В среду у вас был другой заказ? — спросил я.

Она повернула голову.

— Почему вы спрашиваете?

— Хотел понять, насколько у вас плотный график.

— Плотный. Но в среду я ехала к маме. Помочь разобрать бумаги после ремонта.

Я почувствовал себя глупо. Придумал серьезный профессиональный повод, который позволил бы мне легче принять ее уход. Будто поездка к матери была менее уважительной.

— И как бумаги?

— Часть пришлось выбросить. Мама хранит квитанции с тех пор, когда у меня еще не было своего телефона.

— Моя хранит инструкции к технике, которую уже заменили.

Вера улыбнулась.

— Когда мама узнает, что я пишу песню о ключах, обязательно спросит, где запасной комплект. Он у нее. На всякий случай.

— Это полезный вопрос.

— Для песни не очень.

Я предложил подвезти ее. Она сказала, что ей удобнее метро. Отказ был вежливым, без кокетства. Я кивнул, а когда она пошла к переходу, поймал себя на желании найти еще один вопрос, чтобы задержать ее. И не стал.

На обратном пути в студию я встретил Нину. Она опоздала, потому что предыдущий созвон затянулся. Спросила, почему закончили так рано.

— Закончили вовремя.

— Мне посмотреть текст?

— В понедельник будет целиком. Сегодня не стоит.

Мы вместе прошли в комнату. Нина положила на стол список мероприятий. Она хотела осенью несколько появлений до выхода новых песен: встреча с журналистом, закрытый вечер, короткие видео. Я прочитал список и отложил.

— Сперва песни.

— Все одновременно. Иначе ты опять придешь с готовым альбомом к людям, которые не знают, что он существует.

Она была права. Я это знал и все равно сердился. Новая музыка требовала сосредоточенности, публичность — способности выглядеть уверенным, когда уверенности не было. Раньше я пользовался одной и той же улыбкой для обеих задач.

— Я поговорю с журналистом, — сказал я. — Только без истории, что пережил кризис и возродился. Я еще ничего не выпустил.

— Тогда расскажи, над чем работаешь.

Я посмотрел на распечатку третьей песни. Имя Веры было написано внизу. Хороший, небольшой факт, который пока никому не требовалось превращать в историю.

— Над тем, чтобы людям было что слушать.

Нина вздохнула.

— Замечательная фраза для интервью. С нее и начнем.

После ее ухода я вернулся к мелодии. Вечером от Веры пришло сообщение: она попросила припев и нашла слишком много одинаковых гласных на протяженных нотах. Попросила разрешения изменить две фразы в начале.

Я ответил: «Пробуйте. Ноты тоже можно двигать».

Потом перечитал переписку за последние дни. Ни одного лишнего вопроса, ни одного обращения, которое позволяло бы счесть происходящее чем-то кроме работы. Это должно было меня устраивать.

Вместо этого я заметил, что запомнил ее улыбку на улице и почти забыл удачный куплет, над которым мы трудились два часа. Выключил запись, чтобы послушать его заново.

Глава 4. Не та женщина из песни

Вера

В понедельник Антон прислал поправку к финалу «Почти дома»: женщина забирала ключи, затем возвращала один мужчине. Он оставался.

Я прочитала предложение дважды и отодвинула телефон. В моем тексте мужчина уже съехал и привез ключи, потому что обещал вернуть. Женщина упаковала оставшиеся у нее его книги. После встречи собиралась на работу; квартира по-прежнему была ее домом. Теперь короткая история о трудной встрече превращалась в примирение, которого ни один из них не успел заслужить.

«Попробуйте, — написал Антон. — Может быть, достаточно одного ее жеста».

Я попробовала. Написала четыре строки, нашла хорошую рифму, спела под запись мелодии. Все работало, кроме самой женщины. Она сложила его книги, приготовилась забрать ключи — и вдруг просила его остаться ради красиво задержанной ноты. В предыдущем куплете он еще оправдывал свой уход усталостью; ни извинения, ни нового решения в этих четырех строках не появилось.

Я была знакома с таким способом уступить. Сначала соглашаешься на маленькую формулировку, потом весь разговор приходится перестраивать вокруг нее.

К обеду у меня появились два варианта. В первом женщина действительно возвращала ключ. Во втором просила мужчину вынести к выходу тяжелую коробку с его книгами, и он понимал, что эта просьба не означает приглашения остаться. В нем оставалась неловкость встречи. Первый Антон наверняка спел бы увереннее: примирение ему уже нравилось.

Я отправила оба и пошла на встречу с Мариной, которую мы перенесли со среды: тогда у нее внезапно появилась репетиция. Она сидела у окна маленького кафе и дописывала что-то в телефоне. Увидев меня, подняла руку.

— Я заказала тебе чай. Без всего, как ты любишь.

— Я люблю с пирогом.

— Тогда пирог пока закажи сама. Я не знала, какой.

Ее волосы были обрезаны до подбородка. Еще две недели назад она собирала их в высокий хвост. Я спросила, удобно ли петь с новой стрижкой.

— Петь одинаково. Мыть быстрее. Я приехала за другим вопросом. Ты все еще хочешь сделать вечер своих текстов?

— Хочу. Но пока у меня нет программы.

— У тебя есть две песни со мной, одна с Лешей, еще что-нибудь наверняка найдется.

— Найдется много. Выпущенное чужими людьми не всегда можно взять в нашу программу без обсуждения. И мне не хочется делать перечень прежних заказов.

Марина подвинула ко мне телефон.

— Вот моя новая мелодия. Послушай дома. Я не тороплю. Только мне нужна женщина, которая сама решила остаться одна. Без тайного ожидания, что он сейчас приедет и все поймет.

Я посмотрела на нее с таким удивлением, что она рассмеялась.

— Что?

— Сегодня у меня обратное пожелание.

— От кого?

Я назвала Антона. Марина кивнула, не пытаясь произвести впечатление знакомством с его песнями.

— Ему, наверное, так легче петь. Ты же можешь предложить другое?

— Могу. Уже предложила.

— Тогда пей чай, пока не остыл.

Я положила телефон возле сумки и взяла чашку.

— И пирог не забудь, — добавила Марина. — Ты даже с вилкой в руке умудряешься читать рабочие сообщения.

— Потому что рука свободна.

— Вот сейчас пусть побудет свободной без телефона.

Мы поговорили о площадках. Марина знала небольшой зал при культурном центре, но там расписание было занято до ноября. Другой клуб оказался слишком дорогим: даже полный зал не покрывал расход. Я записала названия, обещала послушать мелодию и начала думать о собственном вечере как о задаче, для которой можно составить список звонков.

Пока мы сидели, Антон ответил: «Обсудим завтра. Оба варианта оставьте».

Я показала сообщение Марине.

— Он хотя бы не сказал сразу, что ты все усложняешь.

— Еще не вечер.

— Вера, ты заранее споришь даже с сообщением, которое пока ничего не требует.

Я убрала телефон. Она была права, и это немного испортило мне удовольствие от пирога.

На следующий день в студии Антон начал с первого варианта. Спел финал, проиграл несколько нот, вернулся к последнему куплету. Павел слушал, поставив локти на колени. Я держала обе распечатки, не зная, стоит ли ждать, пока он предложит второй.

— Так песня закончена, — сказал Антон.

— В музыкальном смысле — да.

Он поднял голову.

— А в каком не закончена?

— В ее решении. Мы показали, почему они разошлись, а теперь убрали эти причины одним жестом.

— Она могла передумать.

— Могла. Тогда нужно показать почему.

— Потому что любит.

Я посмотрела на Павла. Он не вмешивался. Этот разговор мы должны были провести вдвоем, хотя речь по-прежнему шла о вымышленных людях.

— Она любила его и до того, как собрала его вещи.

Антон откинулся на спинку стула.

— Вы знаете, почему она не хочет начать заново?

— В полном смысле — нет. В песню не помещается их общая жизнь. Но по тому, что уже есть, он опять объясняет свой поступок усталостью. Если они сходятся только потому, что он наконец приехал, нам придется изменить весь второй куплет.

— Изменим.

Я положила листы на инструмент.

— Можно. Только тогда получится другая песня. Нам она нужна?

Он молчал несколько секунд. Я услышала шаги в коридоре и поймала себя на желании, чтобы кто-нибудь вошел: новое лицо позволило бы сделать паузу. Никто не вошел.

— Я не хочу, чтобы все три песни заканчивались одиночеством, — сказал он.

— Первая пока вообще не заканчивается. Там человек решается позвонить.

— А здесь вы хотите закрыть дверь.

— Я хочу, чтобы она ушла на работу, как собиралась. Он может помочь с коробкой. Может спросить, как она живет. Они могут поговорить без обещания снова сойтись.

Антон взял второй лист.

— Прочитайте.

Я прочитала. Не спела: мне нужно было, чтобы мы слышали именно слова. Женщина просила отнести коробку к выходу. Он брался за ручки, она показывала, как удобнее подхва-

тить снизу, чтобы не нагружать больное запястье. В этом оставалась забота. Ничего еще не решалось.

— С запястьем неудобно, — сказал Павел. — Согласные.

— Я знаю. Это рабочая строка.

— Может, просто попросила взять за другую ручку?

Я записала предложение. Антон прочитал его вслед за мной.

— Так лучше. Но это же мелочь.

— Да.

— Как понять, что ей не все равно?

— Она заметила, где ему больно, хотя уже не собирается жить с ним.

Он опустил лист.

— Вы сами всегда так можете?

Вопрос прозвучал тихо и оказался неожиданным. Я могла бы перевести его в шутку. Раньше часто так и делала, если человек спрашивал слишком близко.

— Нет, — ответила я. — Иногда не могу.

— Тогда откуда знаете?

— Видела. Представляла. Писала. Не все, что есть в тексте, произошло со мной.

Он кивнул, но не сразу. Мне показалось, что он ждал более личного признания. Возможно, я ошиблась: он мог просто разбираться с вариантом, который ему не нравился.

Мы попробовали второй финал с музыкой. Последнюю фразу пришлось укоротить; Павел убрал украшение между строками, и слова перестали сталкиваться. Антон спел спокойно. Он не усилил последнюю ноту, как прежде, и оборвал фразу почти на выдохе. Я подняла глаза от распечатки. Так мог говорить человек, который хотел остаться, но боялся снова услышать отказ; мне неожиданно захотелось дослушать его и после окончания песни.

— На запись оставим оба, — сказал он.

Я приготовилась снова объяснять. Он заметил это и поднял руку.

— Не чтобы вернуться к первому тайком. Хочу послушать завтра. Иногда я упрямлюсь, потому что вариант уже успел стать моим.

— Хорошо. Завтра.

Мы закончили раньше оговоренного времени. Я могла бы уйти, но осталась выписать варианты для неудобной строки. Антон тоже не спешил. Он сидел с гитарой и проверял, можно ли упростить переход, не потеряв мелодию.

— Вера, вам сколько лет?

— Тридцать четыре.

— Я думал, меньше.

— Спасибо за условный комплимент.

Он засмеялся.

— Не пытался.

— Тогда просто спасибо за информацию.

Мне нравилось, что рядом с ним у меня получалось не только защищать работу, но и шутить. Это требовало меньше усилий, чем я ожидала после первых встреч.

— А вам тридцать восемь? — спросила я.

— Искали?

— Перед встречей проверила, с кем собираюсь работать.

— И что нашли?

— Песни. Несколько интервью. Очень много чужих предположений.

Он перестал перебирать струны.

— Прошлый альбом слушали?

— Да.

— И?

Я могла сказать, что понравилось, и оставить разговор легким. Но он спросил тем же тоном, каким предлагал проверить куплет. Уклонение прозвучало бы заметнее прямого ответа.

— Мне понравилась одна песня. Та, где вы не торопитесь закончить фразу.

— «В окне напротив».

— Да. Остальные я хуже запомнила.

— Вы очень дипломатичны.

— Я не знаю, что вам про них говорили. Не хочу еще раз повторять чужую оценку.

Он положил гитару на подставку.

— Говорили, что неплохо. Это страшное слово после нескольких месяцев работы.

— Иногда честное.

— Поэтому страшное.

Я поняла его. У меня тоже были тексты, которые принимали без замечаний, выпускали и забывали. Возражения хотя бы давали возможность что-нибудь изменить. С «неплохо» оставалось только согласиться.

В коридоре появился Денис, напомнил о следующей сессии. Мы собрали бумаги и уступили комнату. На улице Антон спросил, хочу ли я кофе. Я сказала, что сегодня нет: у меня еще работа дома. Он не стал убеждать.

В метро я вспомнила его вопрос о кофе. Работа дома действительно ждала, но можно было предложить другой день. Я достала телефон, набрала «В следующий раз» и стерла: мы еще не договорились ни о чем, кроме песни. Все-таки мне хотелось еще поговорить.

Мама позвонила вечером, когда я слушала мелодию Марины. Услышала музыку и спросила, опять ли я занята.

— Да. Но могу пять минут.

— Ты нормально ешь?

— Съела два раза. Собираюсь третий.

— Я к чему. У Тамары все еще ищут человека. Хорошая зарплата.

— Мам, мне оплатили песню.

— Одну. А что дальше?

Я посмотрела на листы. Раньше я отвечала длинно: объясняла, какие исполнители ищут авторов, почему нужен опыт, как устроена работа. Она слушала внимательно и через неделю задавала тот же вопрос.

— Дальше две следующие. Я знаю сумму и даты. Сейчас этого достаточно.

Мама помолчала.

— Ладно. Только выспись.

Мы поговорили про ее новую полку в ванной. Оказалось, мастер закрепил ее неровно, и мама не знала, неудобно ли звонить второй раз. Я напомнила: она заплатила за ровно установленную полку. Попросить мастера переделать — не значит просить одолжение.

— Тебе легко говорить, — вздохнула она.

— Мне не всегда легко.

После разговора я открыла первый вариант финала, тот, где женщина возвращала ключ. Прочитала хорошие строки еще раз и перенесла их в отдельный файл. Для другого человека, другой истории они могли пригодиться. Сейчас им не было места.

Утром пришло сообщение Антона: «Оставляем коробку. Последнюю строку еще посмотрим».

Я улыбнулась прежде, чем успела придумать деловой ответ. Потом написала, что пришлю правку к обеду, и пошла готовить завтрак. Работа продолжалась. И я уже ждала следующей встречи сильнее, чем было необходимо для третьего текста.

Глава 5. Ее имя на экране

Антон

Перед закрытым прослушиванием Нина спросила, какой текст поставить возле моего имени в приглашении. Я ответил: «Новые песни». Она сказала, что это не текст, а информация, которой и так никто не удивится.

— Тогда «три новые песни».

— Ты сегодня намеренно трудный?

— Сегодня нет.

Она не улыбнулась. На экране ее телефона уже был макет: мой портрет, название площадки, дата, короткий рассказ о человеке, который умеет превращать личную историю в музыку. Я прочитал и попросил убрать последнее предложение.

— Личную историю? — уточнила Нина.

— Да.

— А что у тебя там чужое?

— Тексты. Вера их написала.

— Антон, я не про авторские указания. Я про подачу.

— Вот подачу и поправь.

Она убрала предложение и сжала губы. Похоже, считала это ненужным усложнением. В ее работе история помогала объяснить, почему люди должны прийти. В моей — мешала, если оказывалась лучше песен.

На площадке было шестьдесят мест, низкая сцена, привычная нам техника. Мы пригласили коллег, несколько журналистов, людей, которые занимались концертами. Никаких продаж билетов, никакого обещания нового альбома к определенному числу. Проверка трех песен на слушателях, которым не обязательно нравилось все, что я делал.

Павел сказал, что последний пункт особенно полезен, и я попросил его не развивать.

Вера пришла к саундчеку. Я увидел ее в проходе раньше, чем она заметила меня. Темно-синее платье, плоские туфли, папка под мышкой. Я неожиданно обрадовался именно папке: она пришла как человек, которому было что делать, а не как гость, ожидающий, что его будут развлекать.

— Для вас место у Дениса, — сказал я, спускаясь со сцены. — Если удобнее в зале, можно в зале.

— Сначала послушаю отсюда. На проверке нужен весь текст?

— Нет. По куплету и припеву.

Она села, положила папку рядом. Когда я запел, впервые подумал, что ей сейчас легче заметить ошибку, чем мне спеть без нее. Раньше присутствие автора текста почти ничего не меняло. Строки были приняты, человек получал деньги, дальше работали мы.

С Верой я все еще проверял, соответствует ли мое исполнение тому, что мы вместе выбрали. Это могло мешать. Пока помогало.

После «Без ответа» она подошла ближе.

— Во втором куплете опять пропадает короткая пауза.

— В зале я ускоряюсь.

— Заметила.

— Павел меня придержит.

— Он не может остановить слово, которое вы уже начали.

Я вздохнул.

— Хорошо. Еще раз это место.

Она ушла в зал, и я сделал еще раз. На этот раз не для того, чтобы доказать, что способен. Просто попробовал выдержать паузу. Денис через микрофон сказал, что теперь все слышно.

За полчаса до начала я заперся в маленькой комнате за сценой. Хотел остаться один. Телефон все время показывал сообщения: кто задерживается, кто пришел без приглашения, с кем надо обязательно поговорить после. Я передал Нине организационные вопросы и выключил звук.

В зеркале было лицо, которое я слишком часто видел перед выступлениями. Восемь лет назад оно казалось мне чужим без света софитов; теперь я скорее уставал от выражения, которое принимал в гримерке автоматически. Уверенный мужчина, готовый поделиться своими переживаниями. Переживания сегодня были простые: не ускорить второй куплет и не начать объяснять людям, что им следует почувствовать.

Павел постучал и вошел с запасным кабелем.

— Ведущий спрашивает, как представить Веру.

— Автор текстов всех трех новых песен. Вера Ланская.

— Я так и сказал.

— Зачем тогда спрашиваешь?

— Не спрашиваю. Сообщаю.

Он посмотрел на меня и добавил:

— Если забудешь паузу, не пугайся. Мы дальше сыграем.

Это оказалось полезнее пожелания хорошего вечера.

Олег, ведущий, был знаком с нами по нескольким концертам. Он умел занимать зал, пока музыканты переставляли инструменты, и любил рассказывать о людях теплее, чем сами люди могли бы о себе сказать. Я вышел под его представление, кивнул сидящим впереди и начал с «До света».

На припеве никто не подхватил слова. Они не знали песню. От этой очевидности мне стало легче: не требовалось спорить с залом за собственный голос. Я спел второй куплет почти так же тихо, как в студии, и увидел, как женщина в третьем ряду перестала смотреть в телефон.

После песни было несколько секунд без хлопков. Потом зал зааплодировал. Я не стал решать, была ли пауза хорошим знаком. Начал следующую.

В «Без ответа» ускорился на одной строке и успел поймать темп, прежде чем испортил конец куплета. Павел кивнул. Со стороны это могло выглядеть случайным обменом взглядами. Для меня означало, что мы все еще вместе в песне.

Перед третьим номером Олег вышел на край сцены и сказал, что у новых работ есть еще один человек, которого стоит представить.

Я повернулся к Вере. Она сидела сбоку, рядом с Денисом, и держала сложенную распечатку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.